
СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.334

*Е. Ф. Молевич**

СОЦИАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В РОССИИ НА РУБЕЖЕ 90-х ГОДОВ XX в. ЧАСТЬ 1**

В статье исследуются принципы и характер фундаментальных социальных преобразований в России на рубеже 80–90-х годов XX века.

Ключевые слова: системный кризис советского социалистического общества, перестройка, социальная революция.

Двадцать лет назад в процессе распада советской государственности завершилась целая эпоха в истории России, эпоха Российской советской федеративной социалистической республики – РСФСР. Родившаяся по итогам крупнейшего социального преобразования XX в. – Октябрьской социалистической революции в России, РСФСР на протяжении почти 70 лет была главным государствообразующим основанием второй супердержавы мира – СССР. Ее законным и суверенным правопреемником с 26 декабря 1991 г. стало новое государственное образование – РФ (Россия). Причем, и это самое важное, вместе с переменной в названии сменился и социальный формационный статус России – с социалистического на капиталистический. И сейчас, отмечая двадцатилетие этих фундаментальных социально-экономических и политических перемен, мы не можем уйти от по-прежнему очень больших и повседневно возникающих вопросов: почему эти перемены вообще стали возможны? как они происходили конкретно? каков их реальный трансформационный статус – реформа, революция, контрреволюция? И наконец, памятуя об известной авторитетной оценке крушения СССР как «крупнейшей геополитической катастрофы века» [1], нельзя уйти и от традиционного для России вопроса: кто виноват во всем происшедшем, если, конечно, согласиться с преимущественно негативной оценкой рассматриваемых событий.

И ответы на все эти вопросы становятся реально возможными, лишь если мы их рассмотрим в более широком историческом контексте всей реальной жизни Советского Союза в последние 15–20 лет его существования. Эти годы печально вошли в

* © Молевич Е.Ф., 2013

Молевич Евгений Фомич (emolevich@mail.ru), кафедра социологии и политологии Самарского государственного университета, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

** Работа выполнена при поддержке гранта в форме субсидии в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы, соглашение № 14.В 37.21.0024.

историю страны как период т. н. системного, т. е. всестороннего кризиса советской модели социализма. Сразу же оговорим, что в объективном плане речь может идти о реальном кризисе в эти годы именно советской модели социализма, а не мирового социализма в целом, представленного в это время и очень своеобразными и активно развивавшимися формами социализма в Китае, Вьетнаме, Югославии, Венгрии и ряде других стран.

И если «рыба тухнет с головы», то разложение любого социума начинается с кризиса его экономических оснований. В нашем российском случае этот кризис берет свое начало с «оттепели», с хрущевского «великого десятилетия» разносторонней десталинизации страны. Дело в том, что экономика советского общества с самого начала социалистического строительства в 20-х годах XX в. базировалась на совершенно уникальном мобилизационном, административно-командном подходе к ее организации. Этот подход органично вытекал из того объективного факта, что задачи социалистического переустройства экономики России из самой этой наличествующей российской экономики никаким закономерным образом не вытекали и, соответственно, сколько-нибудь стихийно реализоваться не могли. Социалистическую экономику можно было только «построить», т. е. целенаправленно создать в соответствии с изначально намеченной программой и специально реализуемыми мерами по ее осуществлению.

С этим связаны и главные характерные черты сложившейся в СССР по итогам этого строительства и специфичной только для советской модели социализма административно-регулируемой экономики — принципиальная централизованная планируемость («сталинские пятилетки») всего народно-хозяйственного развития и его строгая конкретно-временная целевая заданность: «даешь» в такие-то сроки коллективизацию, индустриализацию, послевоенное восстановление всего разрушенного, атомный и космический проекты, а на рубеже 50-х годов — так и даже переустройство самой природы всего Союза. И главная сила, реализующая все эти намеченные «планы», — сконцентрированная партией в административно-приказном порядке целенаправленная деятельность многомиллионных масс трудящихся по обеспечению безусловного решения всех запланированных сверху задач. В этих же целях партией и государством разворачиваются массовые общественные движения за выполнение и перевыполнение («даешь пятилетку в три года!») производственных планов, движения ударников, стахановцев, рационализаторов и т. д., периодические «трудовые десанты» на крупные стройки и освоение целины, ежегодные массовые выезды горожан и учащихся на полевые сельскохозяйственные работы и т. д. С мобилизационным стилем решения народнохозяйственных задач связано и рождение чисто советской управленческой новации — высокоэффективного института «уполномоченных» партийно-советских органов, с 20-х годов (знаменитые «парттысячники» в годы коллективизации) контролировавших и обеспечивавших решения на местах всех поставленных народнохозяйственных и социальных задач.

С рубежа же 60-х годов, при внешней сохранности всех атрибутов административно-командной системы управления, из нее уходит главное — повседневно висевшая над рядовым человеком и обществом в целом угроза реальной репрессии за любые, не отвечающие поставленным требованиям итоги работы. Причем именно репрессии — можно вспомнить об исключении из колхозов и выселении из села за невыполнение установленного минимума трудодней, о тюремных сроках не только за прогулы, но и даже за опоздание на работу, за т. н. тунеядство и т. д. Но «командная система... действенна до тех пор, пока опирается на массовый страх, угрозу жестких санкций, распространяющихся на все общество. После 1953 г., когда пронизывающий общество ужас перед репрессиями отступает, действенность традиционных социалистических методов управления снижается... Если из экономической системы, в основе которой страх перед режимом, вынуть стержень, она начинает барахлить» [2, с. 141, 143].

С нарастающей силой в это же время начинает сказываться и еще один парализующий централизованно-административное планирование фактор. Дело в том, что, как свидетельствует исторический опыт ряда социалистических стран, такое планирование может быть очень эффективным до тех пор, пока речь идет о создании промышленности, что предполагает сравнительно ограниченный уровень различных горизонтальных хозяйственных связей между самими рождающимися предприятиями. Но со становлением промышленности именно эти горизонтальные связи и становятся определяющими для успешного функционирования предприятий. Вся хозяйственная система становится настолько сложной, «ее внутренние связи настолько разветвленными, что их контроль из единого центра становится практически неосуществимым. Кризис планового хозяйства стал стремительно нарастать» [3, с. 32]. Или, другими словами, в новых послесталинских условиях уже сложившейся зрелой экономики «мобилизационная модель управления экономикой, которая работала в период индустриализации страны, исчерпала себя» [4, с. 42].

Причем особо негативным оказался даже не сам факт этого исчерпания, а то, что на смену мобилизационным стимулам и формам организации производства не пришли какие-либо другие сколько-нибудь значимые стимулы и формы организации этого производства. Попытки родить эти новые подходы к управлению производством, расширявшие права регионов и предприятий, внедрявшие систему хозрасчета, бригадных стимулов в организации труда и т. д., предпринимались в послесталинские времена неоднократно — переход на территориальную управляемость производством (система совнархозов) в конце 50-х годов, экономическая реформа А.Н. Косыгина в 60-х годах, внедрение бригадного подряда в 70–80-х годах и т. д., — но в целом сколько-нибудь существенно изменить ситуацию они не смогли. И повсеместно, на всех уровнях организации трудовой деятельности утверждаются прикрываемая все новыми идеологически правильными лозунгами трудовая апатия и отчуждение, нашедшие хорошее отражение в очень популярном в эти годы народном словотворчестве: «инициатива наказуема», «тебе больше всех надо?», «всем все до лампочки», «а нам все равно», «наша хата с краю», «они делают вид, что платят, а мы делаем вид, что работаем» и т. д.

И как прямое следствие этой растущей утраты мотивации к труду — растущая утрата государством реального влияния на выполнение намечаемых планов развития экономики. В 70–80-е годы «корабль экономики фактически потерял управление... Но плановики никак не хотели в этом признаться... стараясь во что бы то ни стало сохранить хотя бы видимость централизованного управления, которого на деле уже не было» [5, с. 115].

И вместе с этим — естественная утрата советской экономикой присущего ей с довоенных лет внутреннего динамизма, высоких темпов роста экономических показателей. «В последние десятилетия существования СССР лишенная внутренних побуждений к росту советская экономика с нарастающей скоростью деградировала, все показатели неизменно ухудшались» [3, с. 70]. Так, например, VIII пятилетка (1966–1970) стала последней более-менее успешной пятилеткой, все последующие пятилетние планы по всем основным показателям оказались сорванными. На смену устойчивому экономическому росту 30–50-х годов приходит не менее устойчивая тенденция теперь уже систематически падающих экономических показателей. И если в 1951–1955-х годах среднегодовые темпы прироста национального дохода СССР выражались в 11,3 %, то уже в 1956–60-х годах они снижаются до 9,4 %, в 1961–1965-х годах — до 6,3 %, в 1971–1975-х годах — до 5,6 %, а в 80-х годах — даже до 1,5–2,5%. И, если среднегодовой прирост производства в 1961–1970-м годах составлял 8,7 %, то уже в 1971–1975 годах — 7,4 %, в 1976–1980-м — 4,4 %, в 1981–

1985-м году – 3,7 %. Вполне аналогична этому и ситуация с динамикой роста производительности общественного труда: если за 1966–1970-й годы она выросла на 33 %, то за 1971–1975-е годы – на 21 %, за 1976–1980-е и 1981–1985-е годы – лишь на 14 %.

Таким образом, именно в эти 70–80-е годы, которые вскоре получают звонкую характеристику «периода застоя»¹, со всей очевидностью начинает обнаруживаться исторический проигрыш сложившейся в СССР модели социализма в экономическом соревновании с мировым капитализмом. «Страна, прежде энергично догонявшая наиболее развитые страны мира, начала явно сдавать одну позицию за другой» [7, с. 13].

И этот проигрыш со всей очевидностью обнаружил прежде всего главную проблему советского народного хозяйства застойного времени – его быстро растущую экономическую неэффективность. И в основе нее – две сложившиеся за послевоенные годы главные беды экономики СССР. С одной стороны, это становящаяся постоянной преимущественно экстенсивная направленность в развитии производства, знаменитый «вал» как основной показатель успешности экономики. И действительно, по многим количественным показателям экономика СССР выходит в 70–80-е годы на самые первые места в мире, например, в производстве чугуна и стали, многих видов техники, так, например, зерноуборочных комбайнов в СССР производилось, сравнительно с США, в 10 раз больше! Однако по показателям интенсивности производства и его качественным результатам экономика СССР решительно проигрывала Западу. И в очень многом это определялось второй главной бедой советской экономики этого времени – быстро нарастающим технологическим отставанием советского производства. Так, проведенная в начале 1986 г. инвентаризация производственных фондов, т. е. оборудования промышленности, обнаружила, что 21 % всего машинного парка промышленности имел технический износ от 51 до 75 %, 17 % этого парка характеризовались износом в 76–100 % и еще 17 % – техническим износом выше 100 %. При этом та же инвентаризация установила, что лишь 16 % производственных фондов советской промышленности отвечали мировому уровню.

Отсюда – неизбежные следствия сказанного. С одной стороны, устойчивая неконкурентоспособность советской промышленности на мировом рынке. Так, в 80-х годах выпускаемая огромными партиями продукция советского машиностроения конкурентоспособна была лишь на 12 %. И с другой стороны, столь же устойчивое отставание производительности общественного труда. В те же 80-е годы она составляла 72 % итальянской, 60 % японской, 51 % французской, 46 % западногерманской и 38 % американской производительности труда в общественном производстве.

Но особо критическая ситуация с эффективностью производства складывается в сфере сельского хозяйства страны. При средней урожайности зерновых культур в Европе в 46 ц с гектара, а в США – в 45 ц в СССР она держалась в основном на уровне 19 ц с гектара. При среднегодовых надоях в Западной Европе в 4 тыс. л, а в США – в 6500 л в СССР эти надои не превышали 2500 л. Стоит ли тогда удивляться тому, что именно в эти застойные годы страна во все больших масштабах начинает существовать за счет быстро растущего импорта продовольствия. , если в 1972 г. страна ввезла 2,2 млн т зерновых культур, то в 1985 г. уже 45,6 млн т. Импорт мяса и мясопродуктов за те же годы вырос с 165 тыс. т до более 800 тыс. т. В середине 80-х годов страна ежегодно ввозила и порядка 10 млн т животного масла, более 1,5 млн т рыбы и рыбопродуктов и по несколько миллионов тонн сахара. То есть, другими словами, в 80-е годы СССР впервые в своей (и вообще российской) истории

¹ «Я считаю оправданным для характеристики явлений конца 70-х-начала 80-х годов употребление таких терминов, как “застой”, “стагнация”... Можно сказать, что мы находились в предкризисном состоянии» [6, с. 543].

попадает в ситуацию растущей год от года прямой зависимости от поставок продовольствия из-за рубежа.

Во многом растущая технологическая отсталость страны явилась непосредственным следствием развернутой в СССР еще в сталинские годы идеологической кампании по борьбе с новейшими достижениями современного естествознания — молекулярной генетикой, релятивистской физикой, теоретической физиологией и цитологией и особенно с «буржуазной лженаукой кибернетикой». В застойные годы эта идеологическая кампания обернулась прямым игнорированием многих новейших достижений научно-технической революции второй половины XX века. К 80-м годам «мы пропустили компьютерную революцию, пропустили политику ресурсосбережения, пропустили «зеленую» революцию» [8, с. 155]. И, как засвидетельствовал наш печальный исторический опыт, в СССР «производственная сфера оказалась неспособной к освоению достижений НТР. Отсутствовали стимулы к обновлению, к прогрессу и просто к эффективному труду работников производства» [4, с. 42]. Вслушаемся, в этой связи и в горькие слова «отца» советской ядерной энергетики академика А.Д. Сахарова: «В этот период возможности экстенсивного развития хозяйства уже исчерпали себя, а к интенсивному развитию система оказалась неспособной. Технический прогресс не выгоден хозяйственникам, действующим в рамках административно-бюрократической структуры, новинки не внедряются и даже не разрабатываются... Фактически страна все больше выпадает из общемировой научно-технической революции» [9, с. 76].

И наконец, именно в эти 70–80-е годы, утрачивая мировую конкурентоспособность своего промышленного экспорта, страна все активнее садится на «нефтяную иглу», превращая быстрорастущий нефтегазовый и прочий сырьевой экспорт в основной источник своих внешних доходов и главное обеспечение своего быстро растущего продовольственного импорта. И если в 1970 г. доля энергоресурсов составляла в советском экспорте лишь 15 %, то в 1985 г. — 54%. Или в абсолютных цифрах, если экспорт нефти в 1970 г. составил 66,5 млн т, то в 1985 г. он вырос уже до 129 млн т. Экспорт газа за те же годы увеличился с 3,3 млрд куб. м до 41,3 млрд [9, с. 76].

Но вполне определившийся к 80-м годам проигрыш СССР в экономическом соревновании с Западом оказался лишь одним из многих проявлений неудержимого вползания советской модели социализма и ее государственного воплощения — СССР во всесторонний, системный, общий кризис своего существования.

И прежде всего вышеотмеченная утрата положительного динамизма в развитии экономики страны сразу же обусловила и соответствующие потери в росте жизненного уровня советских людей. Если в 50-х годах среднегодовые темпы прироста реальных доходов населения составляли 6,5 %, то уже в 60-е годы они падают до 4,7 %, а в первой половине 80-х годов — вообще до 1,8 %.

Но главным свидетельством быстро растущей деградации всей советской общественной системы становится взрывной рост в 70–80-е годы коррупции на всех этапах партийно-советского и хозяйственного аппарата. Достаточно вспомнить, что только по одному т. н. «узбекскому» (или, иначе, «хлопковому») делу во второй половине 80-х годов было привлечено к уголовной ответственности около 20 тыс. человек, включая и первого секретаря ЦК КПУ, нескольких секретарей обкомов партии, нескольких министров и даже целую коллегию министерства хлопкоперерабатывающей промышленности, ряд милицейских начальников и т. д.

Но, может быть, самым главным проявлением растущего неблагополучия в стране Советов явилась быстро складывающаяся утрата партией полноценного идеологического контроля за широкими массами населения. Изначально родившись еще по итогам очень болезненно воспринятой многими антисталинской кампании 50–60-х го-

дов, она становится реальным фактором общественной жизни СССР в 70–80-х годах в связи со вполне очевидным провалом в реализации всех основных лозунгов и обещаний программы КПСС и особенно, естественно, главного из них – построения в СССР коммунизма к 1980-му году. И несомненно, очевидный вклад в эту деидеологизацию страны в последние десятилетия ее существования внесли и родившиеся в это время глобальные СМИ – радио и во многих регионах – телевидение. Причем здесь очень сильно сработала не только их прямая антисоветская направленность, но и простое наглядное воспроизведение ими во многом завидной для советского человека повседневной жизни на Западе.

Прямое следствие этой растущей деидеологизации страны – многоплановые проявления быстро формирующегося инакомыслия и даже прямого социального протеста. Так, в 60–70-х годах по всей стране прокатывается целая волна – около двух десятков – массовых общественных беспорядков, вызванных очень разными социальными обстоятельствами, но в целом отражавших растущее недовольство широких масс населения конкретными условиями своей жизни. В целом ряде городов – в Новочеркасске, Темиртау, Фрунзе, Чимкенте и др. для наведения порядка даже вводились войска, имелись жертвы. В эти же годы рождаются и массовые эмиграционные настроения, в том числе у целых этнических групп населения – немцев, евреев, греков, курдов и т. д. Они реализуются как официально, так и «самостоком» – невозвращением из командировок и туристских поездок, незаконными переходами границы и даже попытками захвата необходимых для этого перехода транспортных средств. Широчайшее распространение получает и т. н. внутренняя эмиграция, т. е. полнейшее идеологическое отчуждение определенных кругов населения от всего исходящего от официальных кругов. Среди городской молодежи распространение и достаточно широкую популярность получает «стиляжничество», массовые группы интеллигенции уходят в решительно осуждаемые сверху музыкальные пристрастия – джаз, рок, диско и т. д., причем ироничное двустишие тех времен – «сегодня он играет джаз, а завтра Родину продаст» – было во многих случаях достаточно близко к истине: симпатии к советскому образу жизни эти круги интеллигенции определенно не обнаруживали.

И, наконец, в отличие от этих неафишируемых форм общественного отчуждения растущую силу с конца 60-х годов обретает т. н. диссидентство, т. е. открытое, демонстративное неприятие советской действительности во всех его многоплановых проявлениях.

И совершенно особое звучание в эти годы приобретает, казалось бы, просто невозможный в стране «дружбы народов» махровый национализм во многих союзных и автономных республиках. Так, в 1986 г. для ликвидации массовых беспорядков в центре г. Алма-Ата, вызванных, страшно сказать, назначением русского на должность первого секретаря ЦК КПК, пришлось даже снова использовать войска.

Таким образом, административно-регулируемая система управления советским обществом, позволившая в 20–50-е годы XX в. превратить СССР во вторую сверхдержаву мира, в последние десятилетия своего существования обнаруживает все более значимые и весомые сбои и нестыковки. И поэтому не вызывает никакого удивления хотя и очень запоздалая, но объективно очень точная констатация в партийных документах кануна перестройки того тревожного факта, что страна оказалась на пороге серьезного кризиса и необходимы энергичные меры по его недопущению. Однако этот «порог», к несчастью для страны, окажется преодоленным за какие-то считанные месяцы, и уже в начале второй половины 80-х годов страна столкнется с сильнейшим непосредственным экономическим кризисом.

Конкретным поводом для него станет многократное падение цен в середине 80-х годов на основной, как мы выше видели, источник финансово-экономического благополучия страны в эти годы – экспортируемые энергоресурсы. И если в 1980 г. за каждый баррель проданной нефти СССР выручал 60–65 долларов, то в 1986 г. – лишь около 10–15 долларов. Соответственно, если еще в 1984 г. данный экспорт принес в страну 13,6 млрд валютных рублей, то в 1986 г. эти доходы упали до 5,5 млрд рублей. Как хорошо известно, такое критическое для экономики СССР развитие событий на мировом рынке нефти было далеко не случайным. Оно отразило специфику нового этапа в послевоенном мировом противостоянии США – СССР, складывающуюся после избрания Р. Рейгана президентом США. Уже на первых шагах своего президентства, Рейган подписывает в ноябре 1982 г. ставшую знаменитой директиву № 66 по обеспечению национальной безопасности США, ставящую перед внешней политикой США прямую задачу обрушения экономики СССР – «империи зла» – путем подрыва ее финансовой основы – сырьевого экспорта. И под сильным американским давлением арабские страны идут на убыточный для них самих шаг – резко увеличивают в середине 80-х годов производство и экспорт нефти.

И надо признать, что этой операцией Р. Рейган и его команда попадают в «яблочко». Ибо действительно при «падении цен на сырье выясняется, что те же объемы производства и экспорта не позволяют обеспечить приток конвертируемой валюты, к которому национальная экономика привыкла. Приходится в крупных масштабах сокращать импорт, производство товаров, зависящих от поставок комплектующих и материалов из-за рубежа, снижать объемы экономической деятельности и отказываться от устоявшегося уровня потребления» [2, с. 209].

Но беда, как известно, в одиночку не ходит. Именно в эти критические для советской экономики годы в прямой связи с неудачными попытками реформировать управление экономикой происходит впервые в мирной истории страны прямое падение уровня самого производства. Так, добыча угля сокращается с 477 млн т в 1980 г. до 440 млн т в 1985 г., производство металлорежущих станков в те же годы падает с 257 тыс. штук до 218 тысяч и т. д.

Как закономерное следствие всех этих неурядиц в экономике – рождение быстро обостряющегося дефицита основных потребительских товаров, превращающегося к концу 80-х годов в подлинное бедствие для населения страны.

Библиографический список

1. Путин В.В. Послание Президента РФ Федеральному собранию РФ 25.04.2005 г. // Российская газета. 2005. 26 апреля.
2. Гайдар Е.Т. Гибель империи. Уроки для современной России. М., РОССПЭН, 2006, 448 с.
3. Вишневский А. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998. 432 с.
4. Красин Ю. Метаморфозы российской реформации. Политологические сюжеты. М.: ИСРАН, 2009. 496 с.
5. Попов В., Шмелев Н. Великий плановый эксперимент // Погружение в трясину. М.: Прогресс, 1991. 704 с.
6. Абалкин Л.И. Избр. пр. Т. 2. М.: Экономика, 2000, 910 с.
7. Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М.: Политиздат, 1988. 270 с.
8. Абалкин Л. Перестройка на весах истории // Эко. 2006. № 9.
9. Сахаров А. Мир, прогресс, права человека. Л.: Советский писатель, 1990. 128 с.
10. Горбачев М.С. Собр. соч. Т. 2, 3, 5. М.: Весь мир, 2008.

*E.F. Molevich****SOCIAL REVOLUTION IN RUSSIA IN THE LATE 90-IES
OF THE XX CENTURY**

This article investigates the causes and nature of fundamental social changes in Russia in the late 80-ies and 90-ies of the XX century.

Key words: systemic crisis of Soviet socialist society, restructuring, social revolution.

* *Molevich Evgeniy Fomich* (emolevich@mail.ru), the Dept. of Sociology and Political Science, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.